

Снег падал беззвучно, хлопьями. На мгновение Цзян Чжаосюэ показалось, что мир вокруг замер, погрузившись в абсолютную тишину, а мерцающий снежный свет и колышущиеся тени деревьев превратились в нереальную, застывшую картину.

Она стояла, остолбенев и глядя в глаза Цэнь Лубай. Бессознательно сглотнув, она только сейчас вспомнила, что нужно поздороваться.

Цзян Чжаосюэ уже приоткрыла губы, чтобы произнести приветствие, но стоявшая рядом Цэнь Яо опередила её:

— Сестра, что случилось?!

Этот голос, прозвучавший в тишине, показался неуместным и резким.

Люди, возвращавшиеся с вечерних занятий, начали оглядываться. Цэнь Лубай нахмурилась и сделала короткий жест рукой. Цэнь Яо тут же умолкла, лишь быстро подбежала к ней, не скрывая тревоги на лице.

Цзян Чжаосюэ тоже пришлось ускорить шаг, чтобы поспеть за ними.

— Я же сказала, что случилось? — голос Цэнь Лубай звучал ровно, но Цзян Чжаосюэ уловила в нём нотки упрека.

Остановившись, она с улыбкой поклонилась Цэнь Лубай. Как и ожидалось, взгляд той, упав на неё, смягчился, в нём промелькнуло извинение.

Цзян Чжаосюэ поняла всё без слов и покачала головой, показывая, что всё в порядке.

Цэнь Яо что-то пробормотала, явно желая что-то добавить, но осеклась.

Цзян Чжаосюэ решила помочь ей:

— Давайте уже войдем внутрь.

Цэнь Лубай промолчала.

Цэнь Яо услужливо подхватила чемодан, стоявший рядом с сестрой, и добавила:

— Да, сестра, пойдёмте скорее, здесь такой холод.

Цэнь Лубай бросила взгляд на Цзян Чжаосюэ. Уши той действительно покраснели от ледяного ветра.

Кивнув, Цэнь Лубай сочла вопрос исчерпанным.

Цэнь Яо, словно получив спасение, потащила чемодан вперёд и на ходу спросила:

— Сестра, мы ведь в одном номере?

Лянь Синь — это была та самая помощница, которую Цзян Чжаосюэ видела раньше.

— Тогда поменяемся, невестка будет в одном номере с сестрой, а я с помощницей Лянь, — как нечто само собой разумеющееся распорядилась Цэнь Яо.

Цзян Чжаосюэ слегка споткнулась.

Периферийным зрением Цэнь Лубай заметила это, и в уголках её губ на мгновение мелькнула едва заметная улыбка.

— Ты не против? — она повернула голову к Цзян Чжаосюэ, задавая вопрос, ответ на который знала заранее.

У Цзян Чжаосюэ не было причин отказываться:

— Нет.

В конце концов, в глазах Цэнь Яо они — настоящие супруги, и жить в одном номере для них вполне естественно. К тому же, какая разница, с кем делить комнату — с Цэнь Яо или с Цэнь Лубай? Всё равно спать на двух кроватях до рассвета. Вот вернутся в особняк на Северной горе, там и вовсе в одной постели спать придётся, убеждала себя Цзян Чжаосюэ.

За разговорами они дошли до кельи.

Цэнь Яо толкнула дверь и предупредила:

— Неизвестно, сколько лет этому зданию, кажется, отопление здесь для галочки. Сестра, попроси помощницу Лянь узнать, можно ли взять еще одно одеяло.

Цэнь Лубай не ответила сразу.

Она оглядела комнату. Келья была действительно тесной и выглядела очень старой, даже оконные рамы были деревянными. Всё пространство занимали две односпальные кровати и общий деревянный столик между ними. На столе стоял пластиковый термос, такой же древний, как и сама келья.

Несмотря на плотно закрытые окна, чувствовалось, как в комнату просачивается холодный ветер.

Но Лянь Синь уже всё выяснила — это были лучшие условия, которые мог предложить монастырь.

Цэнь Лубай посмотрела на одеяла, сложенные в ногах кроватей. Вероятно, это были те самые тяжелые ватные одеяла, которые сейчас редко встретишь — одно такое накроешь, и уже чувствуешь под ним невыносимую тяжесть.

— Не нужно, — она забрала у Цэнь Яо свой чемодан, поправила полы пуховика и, присев, открыла его.

Цэнь Яо с любопытством заглянула внутрь, ожидая увидеть постельное бельё, но Цэнь Лубай достала несколько бумажных коробок.

— Положите в ноги, чтобы согреться, — она протянула две коробки Цэнь Яо и одну Цзян Чжаосюэ.

Цзян Чжаосюэ взяла предмет и обнаружила, что это грелка.

Как раз подошла Лянь Синь, закончившая регистрацию. Она взяла свою грелку из рук Цэнь Яо и пояснила для Цзян Чжаосюэ:

— Мы поздно узнали о закрытии монастыря на горе Цинфэн, поэтому успели купить только то, что было в аэропорту.

Цэнь Лубай не стала возражать.

Это была лишь одна из причин. Другая заключалась в том, что по правилам поста нужно избегать роскошных и высоких кроватей, стараясь умерить материальные желания. Она не считала себя святой, но раз уж они пришли в монастырь, то не хотела проявлять неуважение, особенно когда речь шла о Цзян Чжаосюэ и Цэнь Яо.

Поэтому она и не покупала ничего изысканного для сна. Грелки — это мало, но хоть что-то.

Цэнь Яо была уже вполне довольна; она потянула Цэнь Лубай за рукав и прошептала:

— Сестра, ты такая добрая.

Цэнь Лубай молча смотрела на неё, не меняясь в лице.

Цзян Чжаосюэ и Лянь Синь изо всех сил старались не рассмеяться.

Цэнь Лубай подала голос:

— Скоро отбой?

Цэнь Яо спохватилась:

— Ой, точно! — она взглянула на часы и, поняв, что осталось всего двадцать минут, схватила свою сумку и потащила Лянь Синь за собой: — Лянь, сегодня мы спим вместе, не разочаруешься?

Она вела себя так нежно и кокетливо, что Лянь Синь едва не споткнулась.

Цзян Чжаосюэ нашла эту сцену забавной, а в глазах Цэнь Лубай тоже затеплилась легкая улыбка.

Они стояли и смотрели им вслед, пока дверь не закрылась, и в келье внезапно стало тихо. Цзян Чжаосюэ отвела взгляд и непроизвольно посмотрела на Цэнь Лубай, которая в это время смотрела на неё.

Их взгляды встретились, и Цзян Чжаосюэ почувствовала неловкость.

Цэнь Лубай, казалось, ничего не заметила.

Она спокойно села на край кровати, сохраняя элегантность и достоинство, словно находилась на светском приёме:

— Яоя такая маленькая, опять доставила хлопот.

Теснота и убогость обстановки ничуть не умаляли её природного благородства.

Цзян Чжаосюэ расслабилась и вежливо ответила:

— Вовсе нет, я и сама давно хотела здесь побывать.

Цэнь Лубай лишь слегка изогнула губы, не желая вникать в правдивость этих слов. Она больше ничего не сказала, склонила голову и начала распаковывать грелку, которую положила на стол, чтобы найти зарядный кабель.

Цзян Чжаосюэ заметила, что кончики пальцев Цэнь Лубай, сжимавшие провод, посинели от холода.

Она проявила заботу:

— С ногами всё в порядке?

Цэнь Лубай подняла голову, слегка удивленная, и пару секунд молчала.

Цзян Чжаосюэ испугалась, что была нетактична, и пояснила:

— Яо говорила, что твои поясница и ноги чувствительны к холоду.

Цэнь Лубай опустила длинные ресницы, скрывая эмоции, и тихо усмехнулась:

— Всё хорошо, это Яоя просто слишком переживает.

Подключив зарядное устройство, она естественно взяла тазик, который принесла Лянь Синь, и спросила:

— Осталось ещё немного времени, хочешь успеть умыться?

Цзян Чжаосюэ вернулась к своим мыслям и кивнула.

На улице было холодно, и до умывальни было далеко. Цзян Чжаосюэ сомневалась, что человек, выросший с золотой ложкой во рту, подобно Цэнь Лубай, когда-либо жила в таких условиях.

Она предложила:

— Ты в туфлях на каблуках, тебе будет неудобно. Если хочешь, я схожу, умоюсь и по пути

принесу тебе горячей воды, чтобы тебе не пришлось снова выходить под снег.

Она не ожидала, что Цэнь Лубай ответит:

— Я не против.

Цзян Чжаосюэ: «...»

Цэнь Лубай не выказала недовольства, не стала больше ничего объяснять, просто взяла тазик и подошла к двери, всем своим видом показывая, что ждёт её.

Цзян Чжаосюэ больше ничего не оставалось, как подчиниться.

Всю дорогу туда и обратно она то и дело поглядывала на Цэнь Лубай — её утонченность и наряд совершенно не вписывались в окружающую обстановку.

Цэнь Лубай же оставалась невозмутимой, не выказав ни малейшего дискомфорта.

Она повторяла за Цзян Чжаосюэ: умылась, сняла макияж. Вернувшись в келью, сняла верхнюю одежду и, следуя обычаям, переобулась в синие пластиковые тапочки, которые здесь выдавали. Даже так, с её изящными плечами, тонкой талией и нежной кожей, она оставалась прекрасной, но в ней появилось что-то более земное, живое.

В этом даже было что-то милое, чего раньше в Цэнь Лубай не замечали.

Цзян Чжаосюэ не удержалась и посмотрела на неё лишний раз.

Внезапно Цэнь Лубай подняла глаза и прямо посмотрела на неё.

Цзян Чжаосюэ не успела отвести взгляд.

В ту же секунду издалека донёсся протяжный звон колокола, и все огни на горе разом погасли.

Земля погрузилась в первобытный полумрак, и полная луна милостиво залила всё вокруг своим холодным сиянием.

Цзян Чжаосюэ привыкала к смене освещения и увидела, что Цэнь Лубай смотрит в окно, а на её губах играет едва заметная улыбка:

— Погасили свет.

Это было утверждение.

Цзян Чжаосюэ ответила:

— Да.

Она села на край кровати, раздумывая, не нужна ли Цэнь Лубай помощь с фонариком.

— Госпожа Цэнь...

Она не успела договорить, как Цэнь Лубай повернулась и, глядя на неё, произнесла по имени:

— Чжаосюэ.

Голос её был таким же мягким, как всегда, но в нём слышались низкие, бархатные нотки, напоминающие звучание виолончели.

Сердце Цзян Чжаосюэ пропустило удар.

— М? — стараясь выглядеть невозмутимой, откликнулась она.

Цэнь Лубай смотрела на неё. В тусклом свете её темные глаза казались особенно яркими, словно в них плескалось озеро, полное нежности и тепла.

Она спросила:

— Моё имя такое трудное для произношения?

Цзян Чжаосюэ отрицала:

— Нет.

Она всегда считала, что имя Цэнь Лубай звучит очень красиво.

Роса с этой ночи станет белой, а луна осветит родные края.

В нём была заключена поэзия веков.

Улыбка на губах Цэнь Лубай стала заметнее:

— Тогда почему на людях ты называешь Яоя менеджером Цэнь, а меня — только госпожой Цэнь?

Цзян Чжаосюэ была застигнута врасплох.

Даже играя роль, она не называла её по имени, но в частной беседе это казалось слишком близким.

Сейчас, когда Цэнь Лубай так смотрела на неё, она не знала почему, но её мозг словно замкнуло, и она не смогла придумать даже дежурной фразы.

К лицу прилила кровь. Она пыталась сохранить спокойствие и оправдаться:

— Да нет же... — но стоило ей закончить фразу, как имя Лубай, которое само просилось на язык, застряло в горле.

Воздух наполнился неловкостью.

Алый румянец залил всё лицо Цзян Чжаосюэ; его было не скрыть даже в ночной темноте.

Цэнь Лубай тихо рассмеялась и отступила:

— Уже поздно, спи.

Цзян Чжаосюэ закусила губу и только через мгновение ответила:

— Да, спокойной ночи.

Она недоумевала, дразнила ли её Цэнь Лубай? Ей всё время казалось, что сегодня Цэнь Лубай какая-то не такая, но в чем именно заключалась разница, она сказать не могла.

— Спокойной ночи, — тихо ответила Цэнь Лубай.

Через пару секунд тишины они обе одновременно забрались под одеяла, и в келье снова воцарилась тишина.

Отопление едва чувствовалось, холод пробирался до костей. Цэнь Лубай лежала с закрытыми глазами, сквозь шум ветра и снега прислушиваясь к тому, как Цзян Чжаосюэ ворочается и дышит.

Прошло много времени, и луна за окном переместилась с вершины рамы к самому краю.

Цэнь Лубай медленно приподнялась.

Через проход Цзян Чжаосюэ спала спокойным сном. Кажется, она замерзла: не лежала ровно, как обычно, а свернулась калачиком, поджав колени.

Цэнь Лубай, стараясь не шуметь, достала из сумки две таблетки обезболивающего, проглотила их, а затем взяла свой длинный пуховик, который сняла перед сном, и встала с кровати.

Цзян Чжаосюэ спала крепко, её ресницы, словно крылья ворона, замерли в тишине.

Цэнь Лубай осторожно накрыла её своим пуховиком поверх одеяла, глядя на неё с нежностью, которая была мягче лунного света.

<http://bllate.org/book/18697/1807080>